

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 811.112.2'243
doi: 10.17223/19986645/77/1

«Мучительное однообразие разговоров об одном и том же»: конститутивные признаки объектного дискурса на примере дискуссии о политкорректности в Германии

Елена Александровна Кондакова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, elenakondakova@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется дискуссия о политкорректности в Германии с точки зрения ее соответствия главным параметрам, конституирующим объектный тип дискурса. Устанавливаются способы репрезентации и формирования устойчивых образных и ассоциативно-оценочных связей ключевого концепта. Выявляется функциональный статус участников дискурса и характер их взаимодействия. Определяются специфические структурные и содержательные свойства данного вида дискурса и его интердискурсивный потенциал.

Ключевые слова: объектный дискурс, политкорректность, концептуализация, метафора, прагматическое значение, интердискурсивность, адресат дискурса

Для цитирования: Кондакова Е.А. «Мучительное однообразие разговоров об одном и том же»: конститутивные признаки объектного дискурса на примере дискуссии о политкорректности в Германии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 5–31. doi: 10.17223/19986645/77/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/77/1

“The painful monotony of conversations about one and the same thing”: Constitutive signs of thematic discourse on the example of the discussion on political correctness in Germany

Elena A. Kondakova

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
elenakondakova@yandex.ru*

Abstract. The article discusses discourse features identified by its reference to a common object of extra-linguistic reality. The study aims to determine criteria that transform individual thematically related verbal acts into a discursive whole. The object of the research is the discussion about the linguistic implementation of tolerance

principles (hereinafter PC discourse), which has been conducted by German society for almost three decades. The article shows how verbal acts, united by the common theme Political Correctness (politische Korrektheit), function as a whole in conceptualizing the object of reference. The empirical basis of the study was the data of the Mannheim German Reference Corpus DeReKo COSMAS II and texts of different genres selected on the basis of thematic relevance: articles from authoritative German newspapers and magazines, blogs, transcripts of the state parliament sessions, a court decision. The study made it possible to identify the specific features of PC discourse in three main parameters. The first parameter is thematic. Throughout its existence, PC discourse has demonstrated substantial rigidity. This feature finds its expression both in the argumentative pattern and in the conceptualization of the key object. Its figurative and associative features were fixed at an early stage in the existence of discourse with the help of evaluative metaphors, many of which have become constant contextual companions of the key concept (e.g. Tugendterror, Diktatur, Denkverbot). The denotative ambiguity of the key concept and the axiological nature of the corresponding concept ensure the minimum content dynamics of PC discourse: any current discussion can be assessed in terms of its compliance with the norms of political correctness, especially since the concept itself does not have a clear definition. Due to this, PC discourse is the interdiscursive platform on which discourses of other topics interact. The second constituent parameter of PC discourse is determined by the nature of its participants. A collective communicative act dedicated to political correctness is not an equal communication between its supporters and opponents. PC discourse is asymmetric, and the consequence of asymmetry is the “occupation” of a key concept by opponents of political correctness. It is in the communicative interaction of supporters and opponents of political correctness that the whole palette of pragmatic meanings of the discursive lexicon is revealed. The third parameter characterizes PC discourse in terms of chronology and the nature of its course. The article provides arguments that allow the first stage of the German national discussion on political correctness to be dated to October 1993. The conducted research reveals the way of functioning of a discourse type based on the analysis of its main parameters. The developed approach can find its application in the analysis of other types of discourse.

Keywords: thematic discourse, political correctness, conceptualization, metaphor, pragmatic meaning, interdiscursivity, discourse recipient

For citation: Kondakova, E.A. (2022) “The painful monotony of conversations about one and the same thing”: Constitutive signs of thematic discourse on the example of the discussion on political correctness in Germany. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 77. pp. 5–31. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/77/1

Постановка вопроса

Научный анализ языка национал-социализма, обусловленный острой потребностью в исторической рефлексии, надолго предопределил повышенный интерес немецких лингвистов к проблемам политического употребления языка. Исследования языковых изменений в сфере политической коммуникации стали основным содержанием самостоятельной лингвистической дисциплины – политической лингвистики, которая «начиная с 1950-х гг. интенсивно разрабатывается в первую очередь в немецкоязычных странах» (цит. по:

[1. С. 327]). Исследования¹ языка Третьего рейха [2], дискурса национальной вины и ответственности [3], миграционного дискурса и дискурса о мультикультурализме [4], дискурса об объединении Германии [5], многочисленные работы Дуйсбургского института лингвистических и социальных исследований [6] и работы группы по исследованию кризисных дискурсов [7] – все эти исследования в той или иной степени посвящены анализу языковых изменений в сфере политической коммуникации и представляют схожие трактовки дискурса, выделяя его на основании исторической, идеологической и тематической общности вербальных актов.

Из программных работ, иллюстрирующих взгляд на историю общества сквозь призму языковых явлений политической коммуникации, можно выделить коллективную монографию „Kontroverse Begriffe: Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland” («Спорные понятия: история использования языка в публичной речи в ФРГ») [9]. Тема монографии – поиск и анализ значимых социокультурных концептов сквозь призму использования языка в сфере публичной, преимущественно политической, коммуникации. В предисловии к этой монографии Г. Штёцель пишет, что реализованный проект является взглядом на «историю языка современности как на историю тем и проблем» („Sprachgeschichte der Gegenwart als Themen- oder Problemgeschichte“), обсуждаемых в обществе [9. С. 16]. Уже названия глав этой монографии – „Die Terrorismus-Diskussion in Deutschland vom Ende der sechziger bis Anfang der neunziger Jahre“ («Немецкая общественная дискуссия о терроризме конца 60-х – начала 90-х гг.»), „Ein Rückblick auf die sprachlichen Aspekte wirtschaftspolitischer Diskussionen“ («Языковые аспекты общественной дискуссии о вопросах экономической политики»), „Sprachdiskussionen als Bewältigung der Vergangenheit und Gegenwart“ («Дискуссии о языке как способ осмысления прошлого и настоящего»), „Schlüsselwörter in der frauenpolitischen Diskussion seit der Nachkriegszeit“ («Ключевые слова дискуссии о гендерной политике с послевоенного времени до наших дней») – свидетельствуют о том, что авторы раскрывают особенности использования языковых единиц в общественной коммуникации, воспринимаемой как единое целое именно на основании тематической общности. По сути дела, каждая из этих глав посвящена описанию функций языковых единиц в процессе коммуникации и демонстрирует использование дискурса как инструмента «обнаружения феноменов, которые предполагаются за использованием языка» (ср. [10. С. 136]). Семантическая структура и прагматический потенциал лексических единиц раскрываются и обогащаются обертонами именно в рамках ДИСКУССИИ на определенную ТЕМУ. С точки зрения современных представлений о дискурсе это положение можно отнести к

¹ Приводятся ссылки на отдельные монографии и проекты, которые являются показательными для современного состояния исследования данных дискурсов. Библиографический обзор работ немецких лингвистов, посвященных употреблению языка в сфере политической коммуникации, см. в работе [8. С. 334–335].

общепризнанным хотя бы потому, что на протяжении нескольких последних десятилетий не утихает интерес к лексикографическому описанию отдельных дискурсов, выделяемых преимущественно на основании содержательно-тематической общности (см., напр.: [11–13]).

На фоне этого давнего и неослабевающего лингвистического интереса к различного рода «дискуссиям на тему», традиционно и зачастую безосновательно называемым дискурсами, возникают вопросы, которым и посвящена данная статья. Целью исследования является поиск ответа на вопрос, когда, т.е. при каких условиях и при наличии каких конститутивных признаков, «дискуссию на тему» можно рассматривать как объектный дискурс. Если «преимущество дискурса как единицы операционального анализа заключается в том, что он позволяет от текста как относительно законченной, формально ограниченной структуры идти к другим текстам» [10. С. 144], то когда именно исследователь может воспользоваться этим преимуществом, интерпретируя совокупность неких вербальных актов не просто как «дискуссию на тему», а как дискурс? Отправной точкой рассуждений стала гипотеза о том, что ответ на этот вопрос следует искать в таких параметрах объектного дискурса, как тематическое единство, характер взаимодействия между участниками и хронологическая компактность. Это и определило суть исследовательских задач и последовательность их решения. Объектом исследования является немецкий дискурс о языковых проявлениях политкорректности (далее ПК-дискурс). Эмпирической базой исследования послужили материалы Мангеймского корпуса немецкого языка DeReKo COSMAS II [14] и отобранные на основании тематической релевантности разножанровые тексты: статьи из авторитетных немецких газет и журналов, блоги, стенограммы заседаний земельного парламента, судебное решение.

Понятие объектного дискурса

Рассуждая о проблеме речевых жанров, М.М. Бахтин еще в начале пятидесятых годов прошлого века высказал мысль, наилучшим образом отражающую тот научный импульс, который в конечном итоге привел к осознанию и признанию одного из ключевых понятий современной лингвистики – дискурса: «Высказывание обращено не только к своему предмету, но и к чужим речам о нем». Предмет речи «уже оговорен, оспорен, освещен и оценен по-разному, на нем скрещиваются, сходятся и расходятся разные точки зрения, мировоззрения, направления» [15. С. 274]. Общность объекта действительности, подвергаемого коллективной интерпретации, т.е. тот самый предмет речи, на котором «скрещиваются» интерпретации индивидуальные, является параметром, наиболее приемлемым для максимальной операционализации понятия «дискурс». Последнее соображение представляется весьма существенным в условиях многообразия подходов и имеющихся в современной лингвистике дефиниций дискурса (ср. [16. С. 94]).

Трактовка дискурса на основании общей референции к объекту внеязыковой действительности, подвергающемуся онтологизации, представлена, в частности, в работах немецких исследователей [17–19]. В отечественной лингвистике ей соответствует обозначение «объектный дискурс» (ср. [20]). Как общественное обсуждение темы, обладающей социокультурной значимостью, объектный дискурс воплощается в текстах и вербальных актах самого разного рода. Дискурс не только отражает знания об объекте и отношение к нему всех участников коммуникативного взаимодействия, но и активно формирует общественное представление о нем [19. С. 30].

Особенно релевантно для целей и задач данного исследования то обстоятельство, что подобная трактовка дискурса позволяет увидеть в нем потенциально открытое множество устных и письменных вербальных актов. Теоретические и методологические основы такого подхода сформулированы в многочисленных работах представителей Дюссельдорфской школы лингвоисторического дискурсивного анализа – Г. Штёцеля, К. Бёке, Т. Нира, М. Венгелера, Д. Буссе, Ф. Херманнса, В. Тойберта. Отправным положением дюссельдорфской школы является взгляд на историю языка сквозь призму истории отдельных дискурсов, трактуемых преимущественно как совокупность текстов и других вербальных актов одной тематики, отражающих определенные исторические, культурные, но прежде всего идеологические установки [21].

Опираясь на данную традицию, мы будем считать референцию к одному объекту внеязыковой действительности основным конститутивным критерием объектного дискурса. Объединенный такой тематической однонаправленностью, дискурс обладает многоуровневой иерархической структурой и может быть истолкован в узком и широком смысле. В узком смысле дискурс – это корпус письменных и устных текстов на определенную тему. Тексты одного дискурса взаимодействуют друг с другом при помощи ссылок эксплицитного или имплицитного характера, т.е. демонстрируют интертекстуальные связи, и обладают общими функциональными или целевыми характеристиками [17. S. 14]. В широком смысле дискурс – это все письменные и устные вербальные акты, объединенные общей темой. Это всё, что в данный исторический момент говорится и пишется на определенную общественно значимую тему [22. S. 15]. Манифестацией дискурса, истолкованного в узком и широком смысле, являются все тематически целенаправленные коммуникативные события, которые имели место в обществе в реальности в определенный период. Помимо данных уровней существования объектного дискурса, современный дискурс-анализ учитывает и другие, более абстрактные, уровни – всё, что потенциально может быть сказано или написано о данном объекте, а также то, что общество, рассуждая на определенную тему, «игнорирует, отрицает, вытесняет или то, чего оно боится» [22. С. 14]. Очевидно, что два последних абстрактных уровня толкования дискурса имеют лишь косвенное отношение к целям и задачам данного исследования. В соответствии с приведенной выше дефиницией объектный дискурс может быть охарактеризован

согласно определенным конститутивным параметрам, главными из которых являются тема дискурса, его участники и хронологические характеристики.

Дискуссия о политкорректности как объектный дискурс

Продолжающаяся вот уже почти три десятилетия в Германии дискуссия о политкорректности – коллективный коммуникативный акт, направленный на интерпретацию языкового воплощения принципов общественной толерантности. Эта дискуссия является примером объектного дискурса – однородного многогранного целого. Чтобы охарактеризовать немецкий дискурс о политкорректности (ПК-дискурс) с точки зрения обозначенных выше конститутивных характеристик, необходимо кратко остановиться на его современном состоянии.

ПК-дискурс в Германии изначально сложился вокруг заимствования из американских средств массовой информации. Заимствованы были не только ключевой концепт с его вербальной манифестацией *Political Correctness* (нем. *politische Korrektheit*), но и важнейшие прагматические пресуппозиции и коннотации (см. [23. S. 104–113]). Несмотря на то, что восприятие политкорректности в Германии по-разному трактуется исследователями, большинство из них констатирует политическую инструментализацию этого понятия [23. S. 107].

Политкорректность не является четко обозначенной программой объединения людей, поставивших перед собой определенные политические цели. Не существует ни партии, ни организации, ни другого объединения официальных представителей политкорректности как политической программы. У политкорректности как стремления к языковому воплощению принципов толерантности есть сторонники, но определяющим голосом в общественной дискуссии на эту тему, безусловно, является голос ее противников. ПК-дискурс – это медийный и научный (лингвистический, политологический, социологический и т.д.) коллективный коммуникативный акт с активным участием НЕспециалистов и НЕполитиков, который отличается различной степенью интенсивности и периодически разгорается с новой силой, получая импульсы из других типов преимущественно медийного дискурса. ПК-дискурс обладает высокой степенью эмоциональности: его участники нередко предпочитают деловой аргументации юмор, иронию и сарказм.

Несмотря на богатую традицию политически мотивированной критики языка в Германии (см. [24]), немецкие средства массовой информации заимствовали не только ключевые концепты, но и стратегии ПК-дискурса. Как в американском, так и в немецком ПК-дискурсе ключевое понятие *политкорректность* целенаправленно используется представителями консервативных политических кругов, чтобы дискредитировать своих политических противников – либералов, левых, представителей меньшинств и т.д. Консервативно настроенные политики приписывают своим политическим

оппонентам некую программу «политкорректности», представляют ее в вызывающем недоумение и раздражение виде. Тем самым подрывается авторитет политического оппонента и доверие к нему общества, а консервативные круги зарабатывают свой политический капитал. Для демонстрации удивительной устойчивости как самой дискурсивной стратегии, так и ее научного восприятия приведем два мнения, высказанные немецкими лингвистами с существенным временным интервалом:

(1) 1996 г.: *Auch in der Bundesrepublik wird PC gleichgesetzt mit Indoktrination, Kontrolle und Zwang. PC ist zu einem emotional aufgeladenen Kampfbegriff geworden zur Verleumdung linker und liberaler politischer, sozialer und kultureller Reformbemühungen* (И в ФРГ политкорректность отождествляется с идеологической обработкой, контролем и ограничением свобод. Политкорректность превратилась в эмоционально заряженное боевое слово, используемое ультраправыми для дискредитации левых и либеральных стремлений к реформам в политической, социальной и культурной сферах) [25].

(2) 2014 г.: *Der Begriff political correctness wird heute als Kampfbegriff gebraucht. Mit ihm versucht man, Bemühungen um eine nicht ausgrenzende Sprache als „Denkverbote“ zu verunglimpfen* (Понятие политкорректность используется сегодня как боевое слово. С его помощью пытаются дискредитировать стремление к языку, свободному от дискриминации, представив такое стремление как “запрет на выражение собственного мнения”) [26].

В приведенных цитатах обобщены ключевые аргументационные схемы как противников, так и сторонников политкорректности – топос угрозы и топос лжи. Причем даже на этих двух примерах видна асимметрия дискурса. Концептуализация ключевого объекта осуществляется противниками политкорректности: именно они «заполняют» концепт оценочными метафорами *Zwang* (принуждение), *Indoktrination* (идеологическая обработка), *Kontrolle* (контроль), *Denkverbot* (запрет на выражение собственного мнения), наделяют концепт ассоциативными, оценочными и эмоциональными признаками, формируя образ опасного для общества врага. Сторонники политкорректности не формируют концепт, а оценивают уже предзаданную им репрезентацию концепта как ложную – *Verleumdung* (клевета), *verunglimpfen* (порочить, оскорблять). Аргументационные схемы ПК-дискурса демонстрируют такую стабильность, что из контекстов употребления словосочетания *Political Correctness*, полученных из корпуса DeReKo за период 1993–2019 гг., можно было бы составлять фиктивные диалоги в обратной хронологии, цитируя разные источники:

(3) *Leiden Sie unter dem Zwang zur “political correctness”, der grassiert? (2019, Neue Zürcher Zeitung)¹ – Wie immer, wenn mal jemand die political correctness außer acht läßt, einfach mal so sagt, was er denkt, dann setzt orkanar-*

¹ DeReKo: NZZ19/DEZ.01823 Neue Zürcher Zeitung, 30.12.2019; „Wer Wert auf Benimm legt, leidet heute“.

*tig der Tugendterror ein (1995, Der Spiegel)*¹. (Испытываете ли Вы на себе все более осязаемый гнет «политкорректности»? – Если кто-то, забывая о политкорректности, просто говорит то, что думает, всегда поднимается буря праведного террора).

Устойчивость дискурсивного сценария на протяжении определенного промежутка времени, лежащая в основе самой возможности научного описания и обобщения аргументов и аргументационных схем, может рассматриваться как признак сложившегося объектного дискурса.

Тема объектного дискурса: единство в многообразии

ПК-дискурс обладает свойственной объектным дискурсам тематической когерентностью. Эта когерентность обеспечивается в первую очередь большим центростремительным потенциалом ключевого понятия. В большинстве немецких текстов оно представлено неосвоенными заимствованиями *Political Correctness*, *politically correct*, кальками *politische Korrektheit*, *politisch korrekt* или английским акронимом *PC* [27. S. 49]. В немецком справочном корпусе DeReKo² на поисковый запрос *Political Correctness* было получено 8 517 примеров, а на запрос *politische Korrektheit* – 4 151. Подобная демонстративная «иноязычность» отражает специфику интерпретации ключевого понятия в немецком ПК-дискурсе и предопределяет концептуализацию соответствующего культурно значимого феномена: политкорректность осмысливается в образах чужеродного объекта и снабжается ассоциативным признаком «чужой».

В ПК-дискурсе обозначение *Political Correctness* (*politische Korrektheit*) является словосочетанием, обладающим семантической диффузностью за счет денотативной неопределенности. Оно используется как обозначение политических программ и представителей всего либерального политического спектра [24. S. 15]. Дефиниция, предлагаемая в электронной версии словаря Duden, фиксирует только денотативное ядро семантической структуры слова, не отражая его реального использования в современном немецком языке: *Einstellung, die alle Ausdrucksweisen und Handlungen ablehnt, durch die jemand aufgrund seiner ethnischen Herkunft, seines Geschlechts, seiner Zugehörigkeit zu einer bestimmten sozialen Schicht, seiner körperlichen oder geistigen Behinderung oder sexuellen Neigung diskriminiert wird* (Точка зрения, отвергающая слова и действия, которые дискриминируют другого на основании его этнической принадлежности, пола, сексуальных предпочтений, принадлежности к определенной социальной группе, физического или психического заболевания) [28]. В словарной статье отсутствует указание на оценочное сознание, тогда как современное употребление однозначно свидетельствует о наличии пейоративной коннотации. Ср.:

¹ DeReKo: S95/APR.00015 Der Spiegel, 03.04.1995, S. 10; „Dreist und ungeniert“.

² Запрос производился в подкорпусе письменной речи. В приведенных примерах сохраняется орфография источников.

(4) *Mit dem Kampfbegriff Political Correctness verwandeln Sie die bürgerliche Tugend des Anstands in ein egozentrisches Monster* (Spiegel-Online, 30.10.2019)¹. (Боевое слово «политкорректность» превращает хорошие манеры из гражданской добродетели в эгоцентричного монстра).

(5) *Mit vielen Sternchen, Schrägstrichen und zu vielen „Oh, das darf man aber so nicht sagen“ macht man höchstens die Leute verrückt und erreicht am Ende als Reaktion das Gegenteil von Toleranz. Das muss organisch aus der Gesellschaft herauswachsen und nicht mit Political Correctness erzwungen werden* (Spiegel-Online, 25.03.2018)². (Все эти гендерные звездочки, косые линии, всевозможные «Ой, так нельзя говорить» вызывают у людей только раздражение и в конце концов приводят к реакции, противоположной толерантности. Толерантность должна зарождаться в обществе естественным путем, а не создаваться под давлением политкорректности).

Немецкие исследователи [29–31] считают, что пейоративная коннотация ключевого понятия была заимствована немецкими СМИ еще на раннем этапе существования ПК-дискурса. Многочисленные контексты доказывают, что подобная концептуализация осуществлялась, например, за счет частого использования оценочных метафор в позиции именной части составного сказуемого. Использование структуры, эксплицирующей структуру классической дефиниции, закрепляет значение тождества и усиливает негативно-оценочный потенциал метафоры. Ср.: *Political Correctness ist ein Lügengespinst* (Der Spiegel, 11.07.1994)³. (Политкорректность – это паутина лжи); *Politische Korrektheit ist die Diktatur von Tabus und Meinungen* (Die Presse, 21.11.1995)⁴. (Политкорректность – это диктатура запретов и навязанных мнений); *Politische Korrektheit ist der Tod jeder ironischen oder satirischen Kritik* (Die Tageszeitung, 08.12.2001)⁵. (Политкорректность – это гибель любой иронической критики или сатиры); *Politische Korrektheit ist der Puritanismus der Linken* (Der Spiegel, 09.02.2002)⁶. (Политкорректность – это левое пуританство); *Political Correctness ist ein Programm zur moralischen Versklavung* (Stern, 22.06.2006)⁷. (Политкорректность – это программа морального порабощения); *Die political correctness ist die neue Orthodoxie* (Die Presse,

¹ DeReKo: SOL19/OKT.02828 Spiegel-Online, 30.10.2019; „So können auch Sie zum Dumpfbürger werden“.

² DeReKo: SOL18/MAR.02479 Spiegel-Online, 25.03.2018; „Lass uns über Sex reden“.

³ DeReKo: S94/H28.03394 Der Spiegel, 11.07.1994, Ressort: INTERVIEW; "Ein Lügengespinst".

⁴ DeReKo: P95/NOV.41069 Die Presse, 21.11.1995, Ressort: Kultur; „Gegen die Diktatur von Tabus und Meinungen“.

⁵ DeReKo: T01/DEZ.58670 die tageszeitung, 08.12.2001, S. 14, Ressort: Themen des Tages; "verboten meint es ernst".

⁶ DeReKo: S02/FEB.00234 Der Spiegel, 09.02.2002, S. 170; "Eine Art zynischer Talibanismus".

⁷ DeReKo: TE06/JUN.00185 Stern, 22.06.2006; "Es ist doch etwas Schönes, den ganzen Tag geschwitzt zu haben“.

16.11.2007)¹. (Политкорректность – это новая ортодоксальность); *Die political correctness ist der Totengräber einer lebendigen Debattenkultur* (Protokoll der Sitzung des Parlaments Berlin, 12.11.2009)². (Политкорректность – это могильщик живой публичной дискуссии); *Political Correctness ist ein Alibi für Nichtstun* (Berliner Morgenpost, 28.03.2010)³. (Политкорректность – это оправдание бездействия); *Die Political Correctness ist der Scheiterhaufen einer neuen linken Kirche* (Weltwoche, 11.08.2016)⁴. (Политкорректность – это инквизиторский костер новой левой религии); *Die Political Correctness ist die Dauerwelle der verbalen Eitelkeit* (Weltwoche, 27.04.2017)⁵. (Политкорректность – это искусственная завивка вербального тщеславия); *Political Correctness ist ein Sprachspiel der Privilegierten* (Tages-Anzeiger, 13.03.2018)⁶. (Политкорректность – это языковая игра привилегированных членов общества).

Ярко выраженное пейоративное сознание ключевого понятия и целый шлейф негативных ассоциативных и эмоционально-оценочных признаков соответствующего концепта делают *Political Correctness* востребованным инструментом порождения оценочных суждений с большим прагматическим потенциалом. Этот потенциал усиливается за счет размытости денотативного компонента значения понятия, репрезентирующего концепт. Данные свойства превращают *Political Correctness* в один из значимых аксиологических концептов политического дискурса в целом. Из этого обстоятельства вытекает важное следствие для тематической организации ПК-дискурса. Обсуждение любой общественно значимой темы может оцениваться с позиций политкорректности. Любой актуальный объектный дискурс может быть вовлеченным, пусть даже и незначительно, в ПК-дискурс, привнося в него тематическое многообразие и не разрушая при этом того тематического единства, которое обеспечивается ключевым концептом. В качестве иллюстрации приведем отрывок из одного актуального интервью:

(6) *Gibt es Ihrer Ansicht nach auch gegenwärtig, in Zeiten von Corona, eine besondere Form der Political Correctness? – Zum Beispiel in Zeiten von Corona die Frage, woher genau das Virus kam. <...> Auch gilt die Nutzung des Begriffs "China-Virus" – in Analogie an die Spanische Grippe – als rassistisch* (Wissenschaftsportal Gerda Henkel Stiftung, 01.10.2020)⁷. (Существует ли, но

¹ DeReKo: P07/NOV.02296 Die Presse, 16.11.2007, S. 36; „Immer so feierlich und pathetisch“.

² DeReKo: PBE/W16.00054 Protokoll der 54. Sitzung des Parlaments Abgeordnetenhaus Berlin am 12.11.2009 [S. 5117].

³ DeReKo: L10/MAR.04483 Berliner Morgenpost, 28.03.2010, S. 12; „Zonenrandförderung für ärmere Bezirke“.

⁴ DeReKo: WWO16/AUG.00042 Weltwoche, 11.08.2016, S. 5; „Churchills EU“.

⁵ DeReKo: WWO17/APR.00243 Weltwoche, 27.04.2017, S. 64; „Mohrenkopf“.

⁶ DeReKo: E18/MAR.00901 Tages-Anzeiger, 13.03.2018, S. 31; „Höflichkeit ist revolutionär“.

⁷ URL: https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/kommentierte_wiederveroeffentlichung_eines_interviews?nav_id=9159 (дата обращения: 04.02.2021).

Вашему мнению, сейчас – в период пандемии – какая-то особая форма политкорректности? – Например, это вопрос, откуда именно пришел вирус. <...> Как и в случае с испанкой, использование обозначения «китайский вирус» считается проявлением расизма).

Даже такая, казалось бы, далекая от политкорректности тема, как пандемия, попадает под воздействие ПК-дискурса, наделяя его новыми элементами содержания. Для этой способности ПК-дискурса к обогащению своего тематического диапазона за счет интердискурсивного взаимодействия с другими объектными дискурсами немецкой прессой была найдена очень емкая метафора, пришедшая из дискурса о пандемии, – *Virulenz der politisch korrekten Debatte*¹ (вирулентность дискуссии о политкорректности).

Участники ПК-дискурса и корпус текстов

Участниками ПК-дискурса могут быть отдельные индивиды, политические партии, социальные группы, институты и организации. Это обусловлено не только гетерогенностью современной массовой коммуникации, но и спецификой самого моделирующего дискурс объекта. ПК-дискурс – это не столько способ говорения о принципах толерантности в обществе, сколько способ говорения о языковой реализации этих принципов. Содержательным ядром коллективной дискуссии о политкорректности является интерпретация результатов языковой рефлексии ее участников. В центре ПК-дискурса – неудовлетворенность отдельными, преимущественно лексическими, единицами языковой системы или неудовлетворенность речью отдельных индивидуумов – одним словом, критика языка.

Немецкий лингвист Г.Ю. Херингер (H.J. Heringer), рассуждая о критике языка, обращает внимание на то, что она не является привилегией лингвистов или политологов, правых или левых, ученых или дилетантов. Критика языка не ограничивается кругом экспертов. Согласно определению Г.Ю. Херингера критика языка – это критика говорения и говорящих [32. S. 31–32]. В этих рассуждениях содержатся два ключевых момента, объясняющих большое количество субъектов ПК-дискурса и их неоднородность. Во-первых, критиковать язык может любой говорящий. Во-вторых, критика чьей-то речи нацелена не столько на лингвистическое усовершенствование, сколько на политические взгляды ее носителя и его поведение в социуме.

Учитывая вышеизложенное, охарактеризовать участников ПК-дискурса представляется возможным лишь в самом общем виде. К ним относятся:

1) политики и журналисты, представляющие консервативно настроенные политические круги, а также политические партии и объединения с консервативной идеологией;

¹ URL: <https://www.die-tagespost.de/politik/aktuell/Coronavirus-Die-Gefahr-der-Political-correctness;art315,206464> (дата обращения: 04.02.2021).

2) политики и журналисты, представляющие либерально настроенные политические круги, а также политические партии и объединения с либеральной идеологией;

3) лингвисты, политологи, историки и социологи, занимающиеся изучением феномена политкорректности, в том числе и в русле междисциплинарных исследований;

4) представители меньшинств и других групп лиц, ощущающих себя дискриминируемыми, а также представляющие их объединения и организации;

5) участники интерактивного сетевого общения в чатах и социальных сетях, блогеры и другие представители интернет-сообщества;

6) писатели, стендап-комики, артисты политического кабаре.

Столь пестрая палитра участников находит отражение и в многообразии типов текстов, конституирующих ПК-дискурс. Каждый новый виток ПК-дискурса начинается с публикации полемической статьи релевантной тематики или с неосторожного высказывания какого-либо публичного лица. Далее, как правило, следует реакция пользователей Сети в виде комментариев и читательских писем, на которые средства массовой информации вынуждены реагировать новыми публикациями. Метадискурсивный уровень обеспечивается научными статьями и монографиями, в том числе и научно-популярного и преимущественно полемического содержания. Объединения меньшинств и различные социальные организации вносят свой вклад в ПК-дискурс, издавая прескриптивные тексты – руководства и рекомендации по культуре общения с инвалидами, представителями меньшинств и пр. (ср. [33, 34]). Таким образом, ПК-дискурс реализуется за счет корпуса текстов разной жанровой и функционально-стилистической принадлежности, в который входят публицистические статьи [35]¹, научно-популярные [36] и научные [37] монографии, словари [38], блоги [39], интервью [40], судебные решения [41], анекдоты, юмористические произведения [42] и т.д. Этот огромный массив разнохарактерных вербальных актов постоянно пополняется за счет вовлечения в ПК-дискурс других актуальных объектных дискурсов.

Адресант vs адресат ПК-дискурса

Разнообразие участников ПК-дискурса усугубляется сложным взаимодействием адресантов, адресатов и реципиентов отдельных вербальных актов в коллективной коммуникации. Ядро ПК-дискурса формируется полемикой между представителями двух первых выделенных выше групп, т.е. между носителями консервативной и либеральной идеологий, выступающими соответственно как противники и сторонники реализации принципов толерантности в языке. Очевидно, что всё, что говорится и как гово-

¹ Здесь и далее на каждый тип текста и жанр, входящий в корпус, приводится по одному примеру.

рится каждой из сторон, направлено в первую очередь против политического оппонента. Именно политический оппонент является адресатом, именно его идеологические установки целенаправленно атакует адресант в каждом из вербальных актов ПК-дискурса. В подобном взаимодействии ключевых участников раскрывается провокационный потенциал наиболее значимых для данного дискурса лексических единиц.

К остальным участникам ПК-дискурса отправитель не апеллирует непосредственно. В отличие от адресата, на котором сфокусировано коммуникативное усилие отправителя (адресанта), других участников ПК-дискурса можно отнести к реципиентам. Современная виртуальная коммуникация сделала возможным массовое вовлечение НЕспециалистов в различные объектные дискурсы, обеспечив последние широким кругом реципиентов. В отличие от адресатов реципиенты попадают в зону коммуникативного влияния ПК-дискурса изначально через конкретный вербальный акт, поскольку, знакомясь с его содержанием, осмысливают его, формулируют свою позицию, противопоставляют или отождествляют ее с позицией ключевых участников дискурса.

Хорошим примером такого распределения ролей между участниками ПК-дискурса является дискуссия в парламенте федеральной земли Мекленбург-Передняя Померания осенью 2018 г., ставшая впоследствии предметом судебного разбирательства и вызвавшая большой общественный резонанс. Лидер парламентской фракции правой партии «Альтернатива для Германии» Николаус Крамер неоднократно использовал в официальных парламентских дебатах слово *Neger* (негр), чем вызвал предсказуемую реакцию своих политических оппонентов – возмущение. Ниже приведены два показательных отрывка из стенограммы заседания ландтага земли Мекленбург-Передняя Померания от 25.10.2018:

(7) *Karen Larisch, die Linke: Sie wollen die Vorbehalte und die Ängste der Menschen in unserem Land gegenüber dem Fremden, dem Andersartigen immer am Köcheln halten, statt über ein gemeinsames Leben in einer friedlichen Gesellschaft nachzudenken <...> Das ist unendlich, (Nikolaus Kramer, AfD: ...um mit den Negern gemeinsam dort zu wohnen.) das ist unendlich (Peter Ritter, DIE LINKE: Was, mit den Negern? Mit wem wollen Sie dort wohnen? – Nikolaus Kramer, AfD: Mit den Negern, natürlich. – Peter Ritter, DIE LINKE: Mit Negern, oh!) kleingeistig (allgemeine Unruhe – Glocke der Vizepräsidentin – Heiterkeit und Zuruf von Peter Ritter, DIE LINKE), das ist unendlich kleingeistig und es wird unser Land nicht voranbringen (Beifall vonseiten der Fraktion der SPD), sondern im schlimmsten Fall zurück in die Barbarei bringen, so wie das Wort, das Sie eben nutzten, was niemand mehr benutzt* [41. S. 3–4]. (Капен Лариш, Левая партия: Вы [фракция партии AfD («Альтернатива для Германии»)] хотите подогревать страхи и предвзятое отношение людей в нашей стране ко всему иностранному, необычному, вместо того чтобы думать о том, как всем жить вместе в мирном обществе. <...> Это очень... (Николаус Крамер, AfD: ...жить там вместе с неграми.) это очень (Петер Риттер, Левая партия: Что? Вместе с неграми? Вместе с

кем вы там собираетесь жить? – Николаус Крамер, АдГ: С неграми, конечно. – Петер Риттер, Левая партия: Вместе с неграми! О!) примитивно (шум в зале – вице-президент звонит в колокольчик – оживление и возгласы Петера Риттера, Левая партия). Это очень примитивно, и это не будет способствовать развитию нашей страны (аплодисменты фракции СДПГ), но в худшем случае отбросит ее назад в эпоху варварства, как это делает то слово, которое Вы только что употребили и которое уже никто не употребляет).

(8) Nikolaus Kramen, AfD: Ohne Papiere und ohne Sprachkenntnisse findet man sich in einem Land mit ausdifferenzierter Arbeitswelt, in das sich ein junger ausgewachsener Mann aus Afrika nur äußerst schwer integrieren kann (Peter Ritter, DIE LINKE: Den Herr Kramer gern als „Neger“ bezeichnet. – Heiterkeit bei Manfred Dachner, SPD). Den Herr Kramer gern als „Neger“ bezeichnet, genau richtig. Der junge Mann, also dieser Neger (Elisabeth Aßmann, SPD: Merken Sie eigentlich, wie primitiv Sie sind, Herr Kramer? Merken Sie das eigentlich noch? Mein Gott! – Zuruf von Thomas Krüger), kann aufgrund fehlender Reisedokumente jahrelang nicht abgeschoben werden [41. S. 5–6]. (Николаус Крамер, АдГ: Без документов и знания языка молодой мужчина из Африки оказывается в стране с дифференцированным рынком труда, где ему чрезвычайно сложно интегрироваться в общество (Петер Риттер, Левая партия: которого господин Крамер любит называть негром. – смех Манфреда Дахнера, СДПГ), которого господин Крамер любит назвать негром. Этот молодой мужчина, то есть этот негр (Элизабер Асманн, СДПГ: Вы вообще понимаете, насколько Вы примитивны? Вы вообще еще это понимаете? О господи! – возглас Томаса Крюгера, СДПГ) в результате из-за отсутствия документов годами не может быть депортирован на родину).

Приведенные отрывки иллюстрируют взаимодействие основных участников ПК-дискурса – сторонников и противников политкорректности – в рамках единого коммуникативного события. Это взаимодействие образует центральную часть ПК-дискурса: адресант формулирует высказывание, ориентируясь непосредственно на идеологические нормы адресата. Адресант может прогнозировать коммуникативную реакцию адресата, может манипулировать им.

На примере реплик Николауса Крамера хорошо видно, как слово, обладающее прагматической функцией, раскрывает в контексте всю палитру идеологических созначений. В прямом провокативном общении семантическая структура слова *Neger* демонстрирует два разных идеологических компонента.

Первый из них – это сема, которая актуализирует пренебрежительную оценочную семантику и отражает субъективное отношение правой идеологии ко всем неевропейцам. В первом отрывке речь не идет исключительно о чернокожих мигрантах, прибывающих в Германию, например с Африканского континента. Слово *Neger* употребляется как недифференцированное обозначение всех мигрантов, всех, кто, по мнению политика, не

является немцем. Использование слова *Neger* в данном контексте является примером употребления, которого, согласно электронной версии словаря Duden, нужно избегать: *Die Bezeichnungen Neger, Negerin sind diskriminierend und sollten vermieden werden* [28]. (*Обозначения Neger, Negerin являются дискриминирующими. Их использования следует избегать*).

Если к прагматическим компонентам значения относить все семы, дополняющие денотативное и грамматическое содержание лексических единиц ассоциативными и фоновыми знаниями участников дискурса [43. С. 107], следует признать наличие в семантической структуре слова *Neger* еще одного идеологически значимого компонента. Этот компонент сигнализирует об особом коммуникативном статусе лексической единицы, о её потенциальной конфликтности, исходящей из амбивалентной трактовки ее оценочной семантики участниками вербального акта.

Наличие этого особенного созначения хорошо просматривается в отрывке (8) приведенной выше стенограммы. Показательно, что слово *Neger* целенаправленно используется именно представителемлевой партии, т.е. сторонником политкорректности – говорящим, по мнению которого это слово не должно употребляться в речи, поскольку оно обладает пренебрежительной оценочной семантикой. Такое речевое поведение не направлено на конструктивную дискуссию. Оно имеет своей целью спровоцировать оппонента на вполне предсказуемый демонстративный коммуникативный ответ, который, в свою очередь, вызывает вербальную агрессию другого участника дискурса, применяющего аргумент *ad personam*.

Идеологическую амбивалентность, оценочную неоднозначность, составляющую основу такого «конфликтного» созначения, адресант эксплицирует в своем дальнейшем выступлении следующим образом: *Das Wort „Neger“ habe ich bewusst gewählt, Herr Ritter, weil ich mir eben nicht vorschreiben lasse, was hier Schimpfwort sei oder was nicht* [41. С. 6]. (*Господин Риттер, слово Neger я использовал сознательно, потому что не позволю другим указывать мне, какое слово является ругательством, а какое – нет*).

Приведенные отрывки показывают, что непосредственное взаимодействие адресанта и адресата ПК-дискурса является вербальным актом прямого провокативного общения, в котором раскрывается весь диапазон значений ключевых лексических единиц дискурса.

Адресант vs реципиент ПК-дискурса

Реципиентом устного или письменного вербального акта, репрезентирующего ПК-дискурс, является любой читатель или слушатель, в сферу внимания которого этот акт попадает. Реципиент вовлекается в ПК-дискурс и становится его полноправным участником, когда начинает обрабатывать любое коммуникативное событие данного дискурса на когнитивном и эмоциональном уровнях. Даже если вербальный акт с его основной содержательной установкой не был нацелен на реципиента, последний с

той или иной степенью эмоциональной вовлеченности отождествляет свою позицию с позицией адресанта или дистанцируется от нее. Очевидно, что в реальности реципиентами могут выступать совершенно разные участники ПК-дискурса – от общественных институтов, публикующих официальные заявления и пресс-релизы, до анонимных пользователей Сети, высказывающих свое мнение в комментариях.

Приведенная выше дискуссия в ландтаге земли Мекленбург-Передняя Померания является хорошим примером того, как функционирует механизм «захвата» новых реципиентов и их вовлечения в активную дискурсивную практику. Последнее предполагает не только взаимодействие с другими участниками дискурса, но и последующую трансформацию пассивного реципиента в активного адресанта.

После того как депутат от партии «Альтернатива для Германии» Николаус Крамер в ходе парламентской дискуссии многократно повторил слово *Neger*, к нему было применено дисциплинарное наказание – призыв к порядку. Эта мера была оспорена Николаусом Крамером в Конституционном земельном суде, который вынес решение в пользу парламентария. В решении суда, в частности, говорится: *Die Verwendung eines bestimmten Wortes unabhängig von dem Zusammenhang, in dem es ausgesprochen worden ist, kann nicht mit einem Ordnungsruf gerügt und damit für die Zukunft allgemein unterbunden werden* [41. S. 16]. (За использование определенного слова независимо от контекста нельзя применить дисциплинарную меру в виде призыва к порядку, которая бы препятствовала употреблению этого слова в будущем).

Этот пример иллюстрирует механизм вовлечения в ПК-дискурс других институциональных участников. Им свойствен уже другой исторически сложившийся способ говорения на общественно значимую тему – другой институциональный дискурс со своими параметрами. Как способ репрезентации и концептуализации отдельного объекта внеязыковой действительности ПК-дискурс является той платформой, на которой сталкиваются и взаимодействуют другие «необъектные» виды дискурсов. Таким образом реализуется интердискурсивность, т.е. то самое диалогическое соприкосновение, в которое приходят «дискурсивные системы как предзаданные когнитивные системы мышления, культурные коды, коммуникативно-речевые стратегии» [44. С. 23].

Такое диалогическое взаимодействие разных видов дискурса на основе ПК-дискурса реализуется как со стороны адресанта, так и со стороны реципиента. Адресант ПК-дискурса, в данном случае противник политкорректности, привносит в судебный дискурс свойственную ПК-дискурсу ритуализованную аргументацию и свой ракурс видения ключевого концепта:

(9) *'Neger' sei historisch die übliche und unumstrittene Bezeichnung für Menschen mit schwarzer Hautfarbe gewesen. Heute werde das Wort von einigen für unangebracht und despektierlich gehalten, von anderen jedoch nicht. Es sei durchaus möglich und legitim, das Wort in der hergebrachten Weise zu verwenden, ohne jemanden beleidigen zu wollen. <...> Unter diesen Umständen sei*

die freie Rede durch den erteilten Ordnungsruf in nicht zu rechtfertigender Weise beschränkt worden. Dadurch werde dem Prinzip der politischen Korrektheit gefolgt; die Sprache werde eingeschränkt und das Denken verengt [41. S. 9]. (По словам истца, исторически слово *Neger* было обычным и не вызывающим споров обозначением чернокожих людей. Сегодня же это слово одни находят неуместным и пренебрежительным, другие – нет. Истец считает совершенно допустимым и законным традиционное употребление слова без намерения оскорбить кого-либо. <...> По мнению истца, учитывая эти обстоятельства, примененная к нему дисциплинарная мера (призыв к порядку) неоправданным образом ограничивает его свободу слова. Так реализуется принцип политкорректности, регламентируется язык и ограничивается мышление).

Реципиентом данного сегмента ПК-дискурса является социальный институт – суд. Он обладает особым, отличающимся от парламентского, институциональным дискурсом. Будучи вовлеченным в ПК-дискурс, реципиент с таким институциональным статусом в дальнейшем транслирует результаты своего когнитивного освоения объекта уже согласно своим коммуникативным стратегиям и концептуальному аппарату. Они направлены на разрешение конфликта и строго регламентированы. В случае с данным судебным решением такой стратегией можно считать дифференцированный подход к каждому употреблению слова *Neger*: *Das Landesverfassungsgericht hat <...> eine typisch juristische Strategie ergriffen: Differenzierung. Manchmal soll die Verwendung mit einem Ordnungsruf rüggbar sein, manchmal aber auch nicht* [39]. (Земельный Конституционный суд прибегает <...> к типичной юридической стратегии – дифференцированию. Согласно такому подходу, иногда за употребление [слова *Neger*] нужно налагать дисциплинарное взыскание, а иногда – нет).

Изначально пассивный реципиент становится активным адресантом и полноправным участником ПК-дискурса, реализуя специфические коммуникативные стратегии различных дискурсивных систем и вовлекая в ПК-дискурс новых реципиентов. Так, по силе общественного резонанса, а следовательно, и по количеству вовлеченных в ПК-дискурс реципиентов решение земельного Конституционного суда является более значимым дискурсивным событием, чем дебаты в ландтаге. Помимо бурного обсуждения судебного решения в прессе и в Сети [39, 45], его противники организовали в Гамбурге и Кёльне демонстрации под девизом «Останови N-слово» („N-Wort Stoppen“) и развернули в Сети кампанию по сбору подписей под требованием на законодательном уровне признать использование слова *Neger* проявлением расизма¹.

¹ URL: <https://www.change.org/p/rechtliche-anererkennung-dass-der-begriff-neger-rassistisch-ist-bmfsfj-bmjbv-bund>

Хронология и интенсивность немецкого ПК-дискурса

С одной стороны, определение хронологических рамок немецкого ПК-дискурса не составляет особого труда. История дискуссии о политкорректности в Германии, начиная с заимствования ключевого понятия, неоднократно описана в лингвистической литературе [23, 26, 27, 46]. Однако, с другой стороны, точная «дата рождения» немецкого ПК-дискурса никоим образом не отрицает наличия других, более ранних, общественно значимых объектных дискурсов смежной тематики. Они не просто оказали влияние на немецкий ПК-дискурс и обусловили его национальную специфику. Вступив с ним во взаимодействие, они обеспечили ему принципиально иной, по сравнению с США, интердискурсивный фон.

Понятие *Political Correctness* появилось в немецком медийном пространстве в самом начале 90-х гг. XX в. в статьях, посвященных дебатам на соответствующую тему в университетах США [29. S. 180]. Однако точкой отсчета собственно немецкого ПК-дискурса как объектного дискурса, обладающего национальной спецификой, по-видимому, следует считать две конкретные публикации в газете «Цайт» в октябре 1993 г. Именно в этих статьях американская проблематика впервые предстала в преломлении к общественно-политической жизни в Германии.

Автор первой из этих статей [35] Д.Е. Циммер задается вопросом, существует ли «синдром политкорректности» (*das PC-Syndrom*) в Германии, и отвечает на него положительно: *Es existiert, auch wenn es sich in anderen Formen äußert, leiser, indirekter, folgenloser, und auch wenn sich seine Inhalte nicht ganz mit den amerikanischen decken. (Да, существует. Даже если он проявляется по-другому, с меньшим шумом, косвенно, с меньшими последствиями. Даже если его содержание в чем-то не совпадает с американским).* По мнению Д.Е. Циммера, в Германии «синдром политкорректности» берет свое начало не в движениях за гражданские права, как это было в США, а является восприимчиком «расплывчатого наследия» левых (*das diffuse Erbe*) и всех тех течений, которые «впитало в себя протестное движение шестидесятых — от экологии до эзотерики» (*von allem, was die Kritikbewegung der sechziger Jahre seither absorbiert hat, von der Ökologie bis zur Esoterik*). Рассматривая «синдром политкорректности» скорее с идеологической и политической точек зрения, Д.Е. Циммер, однако, признает, что политкорректность в Германии уже привела к изменению языковой нормы. В этом эссе содержатся многие элементы, которые впоследствии станут постоянными дискурсивными спутниками ключевого понятия и средствами его репрезентации в ПК-дискурсе: *Tugendddiktatur* (диктатура добродетели), *Denkverbot* (запрет на выражение собственного мнения), *der moralische Furor* (иступленное морализаторство), *die neue Intoleranz* (новая нетерпимость).

Реакция на эссе Д.Е. Циммера последовала незамедлительно. Уже в следующем номере «Цайт» выходит статья Б. Эренца «Тысяча глаз доктора РС» [47], в которой автор ставит под сомнение не только масштаб опас-

ности, исходящей от политкорректности, но и собственно новизну этого общественно-политического феномена. Б. Эренц критикует своего коллегу Д.Е. Циммера за приверженность теории заговора и считает, что за политкорректностью скрываются не какие-то «темные силы» и «инквизиция», а все тот же «до боли знакомый образ врага» (*ein rührend vertrautes Feindbild*) – «придерживающийся левых взглядов учитель и феминистски настроенная журналистка» (*der linke Lehrer und die feministische Journalistin*), как и двадцать лет назад.

Хотелось бы подчеркнуть условность постановки вопроса о «начале» ПК-дискурса в Германии. Статьи, посвященные политкорректности, стали появляться в немецких средствах массовой информации еще за несколько лет до упомянутых выше эссе. Однако говорить о том, что из разрозненных публикаций на тему стал складываться объектный дискурс со своими конститутивными признаками и национальной спецификой, можно, по нашему мнению, именно после полемики Д.Е. Циммера и Б. Эренца в «Цайт». Тезисы Д.Е. Циммера были подхвачены немецкими журналистами, и дискуссия о том, существует ли данный феномен в немецком обществе, вскоре переросла в полемику сторонников и противников политкорректности с явным преимуществом последних.

Немецкий ПК-дискурс, безусловно, является частью интернациональной полемики, в центре которой находятся критика языка и требование языковой реализации принципов толерантности. Из медийного пространства США в немецкое медийное пространство и общество были заимствованы большинство конститутивных характеристик ПК-дискурса: ключевое понятие Political Correctness с размытым денотатом и пейоративной коннотацией, устойчивый набор оценочных метафор, ритуализированный характер аргументации, экспрессия, использование иронии и юмора как приемов прагматического воздействия и т.д. Однако не стоит забывать, что содержательно немецкий ПК-дискурс продолжает традицию языковой критики, сформулированной в ходе дискуссии о языке Третьего рейха и об «исторической корректности» (*historische Korrektheit*) [46. S. 23; 48. S. 63]. Это обстоятельство является одной из причин различий между ПК-дискурсами в США и Германии (см. [23. S. 113–137]).

Хронология ПК-дискурса во многом обусловлена заимствованным характером многих его элементов. Именно их чужеродность и предзаданность сыграли большую роль в том, как протекал ПК-дискурс после прохождения наиболее активной фазы во второй половине девяностых годов прошлого века. Войдя в немецкую общественную жизнь как заимствованный элемент, ПК-дискурс прочно укрепился среди других объектных дискурсов, демонстрируя удивительную стабильность не только конститутивных, но и содержательных характеристик.

Статьи, опубликованные четверть века спустя после эссе Д.Е. Циммера и Б. Эренца, комментарии в Сети, публичные дебаты в парламенте и на телевидении свидетельствуют о том, что ПК-дискурс, т.е. сложившийся в немецком обществе способ говорения на тему политкорректности, харак-

теризуется содержательной ригидностью. Это проявляется как на уровне лексики, так и на уровне аргументации. Так, например, один из активных участников ПК-дискурса, чернокожий немецкий журналист и блогер А. Шварцер, жалуется на «мучительное однообразие разговоров об одном и том же, 'не запрещено ли еще так говорить'» (*Das Elend der immer gleichen Diskussion, 'was man noch sagen darf'* [49]). В ответ на анонсирование телерадиокомпанией MDR ток-шоу под названием «Можно ли сегодня использовать слово *негр*?» А. Шварцер с нескрываемым возмущением пишет:

(10) *Mein ganzes Leben lang führe ich mit ignoranten Menschen die immer gleichen Diskussionen. Vor mir haben das schon andere getan. Die Initiative Schwarze Menschen in Deutschland engagiert sich sogar schon seit über 30 Jahren für die Belange von Schwarzen Menschen. Aber der Mehrheitsdeutsche geht immer wieder auf Anfang zurück und fragt mit Vorliebe Seinesgleichen: Ja, was darf man denn heute überhaupt noch?* [49]. (Всю свою жизнь мне приходится объяснять невежественным людям одно и то же. До меня им это объясняли другие. Организация «Чернокожее население Германии» защищает интересы афрогерманцев вот уже более тридцати лет. Однако представитель немецкого большинства вновь и вновь возвращается в этой дискуссии назад и с пристрастием расспрашивает себе подобных о том, как еще сегодня можно говорить, а как – нельзя).

Более яркой иллюстрации отсутствия содержательной динамики в ПК-дискурсе, его концептуальной ригидности трудно себе представить, тем более что приведенный комментарий, как и анонсирование передачи, датируются 2018 г.

Предопределенные американским ПК-дискурсом, подхваченные и ретражированные немецкими средствами массовой информации, образы, мотивы, аргументы и коннотации постепенно превратились в *loci communes*, стали стандартизированными элементами содержательного характера. В комментариях к ситуации с анонсированием ток-шоу, которое телерадиокомпания все-таки пришлось отменить из-за бурной реакции в Сети, другой журналист пишет о «воображаемом проклятии якобы господствующей политкорректности» (*der vermeintliche Fluch der angeblich herrschenden political correctness*) [50]. В этом описании без труда можно опознать те же самые топосы, которые присутствовали в полемике Д.Е. Циммера и Б. Эрнца в 1993 г. и в той или иной степени стали визитной карточкой ключевых участников ПК-дискурса. Именно вокруг этих топосов выстраивается их аргументация и наращивается дискурсивный шлейф ассоциаций. Вот уже на протяжении почти тридцати лет существования ПК-дискурса противники политкорректности говорят о том, что политкорректность подчинила себе общество и это диктат. Сторонники же говорят о том, что политкорректность не обладает столь мощным прескриптивным потенциалом и никакого диктата не существует. На протяжении всего существования ПК-дискурс постоянно меняет свою интенсивность. То затихая, то разгораясь с новой силой, он вовлекает новых участников и новые тематические элементы, сохраняя при этом содержательную

целостность и постоянство в вербальной репрезентации и концептуализации ключевого объекта.

Заключение

Проведенное исследование является примером анализа конститутивных параметров, составляющих суть объектного дискурса по сравнению с разрозненными вербальными актами, посвященными отдельной теме. Полученные наблюдения и методология могут быть применены при исследовании других дискурсов, вычленяемых на основании тематической общности вербальных актов, а также могут быть дополнены изучением лексикона отдельных объектных дискурсов.

На примере ПК-дискурса были продемонстрированы параметры, наличие которых позволяет говорить о трансформации тематически когерентных коммуникативных событий в способ концептуализации объекта (политической) действительности – объектный дискурс. Как образец объектного дискурса ПК-дискурс характеризуется содержательной стабильностью, которая проявляется: 1) в устойчивом аргументативном рисунке и распределении коммуникативных ролей; 2) денотативной неопределенности ключевого аксиологического концепта; 3) ригидности его образных и ассоциативных связей.

В отличие от простой совокупности тематически однородных коммуникативных событий, объектный дискурс формирует ментальное отражение ключевого концепта в коллективном сознании и в дальнейшем сам формируется согласно сложившемуся когнитивному сценарию. Содержательные и ассоциативные свойства ключевого концепта и когнитивного сценария являются следствием распределения ролей участников коммуникативного взаимодействия, в случае с ПК-дискурсом, следствием ролевой асимметрии. Ключевой концепт ПК-дискурса был сформирован преимущественно одной группой участников коммуникации – противниками языковой реализации принципов толерантности. Это предопределило когнитивный сценарий дискурса, согласно которому в рамках отдельных коммуникативных событий сторонники политкорректности оценивают уже «оккупированный» оппонентами концепт со всеми предзаданными свойствами.

Проведенный анализ позволил описать структуру объектного дискурса как коллективного коммуникативного акта, в котором четко выделяется ядро коммуникации – прямое провокационное общение между сторонниками и противниками политкорректности. Именно в ходе такого провокационного общения раскрывается вся палитра прагматически значимых обертонов слов, составляющих лексикон ПК-дискурса. Аксиологический характер ключевого концепта и денотативная размытость соответствующего понятия позволяют ПК-дискурсу играть роль своеобразной платформы с большим интердискурсивным потенциалом. За счет этого обеспечивается минимальная динамика содержательно однородного дискурса.

Список источников

1. Катаева С.Г., Катаев Д.В. История немецкого политического языка как рефлексия новейшей истории Германии (1945–1988) // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 327–335.
2. Schmitz-Berning C. Vokabular des Nationalsozialismus. 2., durchges. u. überarb. Aufl. Berlin : de Gruyter, 2007. 717 S.
3. Kämper H. Der Schulddiskurs in der frühen Nachkriegszeit. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011. 591 S.
4. Niehr T., Böke K. Einwanderungsdiskurse: Vergleichende diskurslinguistische Studien: [Symposium mit dem Thema "Einwanderungsdiskurse im internationalen Vergleich" in Hilden vom 18–20.2.1998]. Wiesbaden : Westdt. Verl., 2000. 241 S.
5. Fraas C. Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen: Die Konzepte IDENTITÄT und DEUTSCHE im Diskurs zur Deutschen Einheit. Tübingen : Narr, 1996. 175 S.
6. Duisburger Institut für Sprach- und Sozialforschung. URL: <http://www.diss-uisburg.de/forschungsprojekte> (дата обращения: 29.01.2021).
7. Wengeler M., Ziem A. Sprachliche Konstruktionen von Krisen: Interdisziplinäre Perspektiven auf ein fortwährend aktuelles Phänomen. Bremen : Hempen, 2013. 175 S.
8. Катаева С.Г., Катаев Д.В. История немецкого политического языка как рефлексия новейшей истории Германии (1945–1988) // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 327–335.
9. Stötzel G., Böke K. Kontroverse Begriffe: Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin [u.a.] : de Gruyter, 1995. 852 S.
10. Чернявская В.Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskije-vozmozhnosti-diskursivnogo-analiza-v-korpusnoy-lingvistike> (дата обращения: 30.01.2021).
11. Eitz T., Stötzel G. Wörterbuch der Vergangenheitsbewältigung. Bd. 1. Darmstadt : Wiss. Buchges., 2007. 786 S.
12. Eitz T., Stötzel G. Wörterbuch der Vergangenheitsbewältigung. Bd. 2. Darmstadt : Wiss. Buchges., 2009. 694 S.
13. Kämper H. Opfer, Täter, Nichttäter: Ein Wörterbuch zum Schulddiskurs 1945–1955. Berlin [u.a.] : de Gruyter, 2007. 424 S.
14. DeReKo. Das deutsche Referenzkorpus. URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/> (дата обращения: 06.02.2021).
15. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров ; примеч. С.С. Аверинцев, С.Г. Бочаров. М. : Искусство, 1979. 423 с.
16. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. 489 с.
17. Busse D., Teubert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik / hrsg. D. Busse et al. Opladen, 1994. S. 10–28.
18. Adamzik K. Sprache: Wege zum Verstehen. 2. Aufl. Tübingen : Francke, 2004. 343 S.
19. Gardt A. Diskursanalyse – Aktueller theoretischer Ort und methodische Möglichkeiten // Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände / hrsg. I.H. Warnke. Berlin : De Gruyter, 2007. S. 27–52.
20. Секерина М.А. Объектный дискурс: принципы выделения и специфика исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 14 (305). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektnyy-diskurs-printsipy-vydeleniya-i-spetsifika-issledovaniya> (дата обращения: 30.01.2021).

21. Böke K., Jung M., Wengeler M., Stötzel G. Öffentlicher Sprachgebrauch: Praktische, theoretische und historische Perspektiven: Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet. Opladen : Westdt. Verl., 1996. 484 S.

22. Bendel Larcher S. Linguistische Diskursanalyse. Tübingen : Narr, 2015. 256 S.

23. Wierlemann S. Political correctness in den USA und in Deutschland. Berlin : Erich Schmidt, 2002. 246 S.

24. Heringer H.J. Holzfeuer im hölzernen Ofen: Aufsätze zur politischen Sprachkritik. 2. Aufl. Tübingen : Narr, 1988. 332 S.

25. Dietzsch M., Maegerle A. Kampfbegriff aller Rechten: „Political Correctness“, 1996. URL: <http://www.diss-duisburg.de/Internetbibliothek/Artikel/Kampfbegriff.htm> (дата обращения: 22.01.2021).

26. Scharloth J. Political Correctness ist heute ein Kampfbegriff // Cicero. Erschienen am 21.03.2014. URL: <https://www.cicero.de/innenpolitik/sprachwissenschaftler-political-correctness-wird-heute-als-kampfbegriff-gebraucht/57260> (дата обращения: 22.01.2021).

27. Weis K., Eckkrammer E.M. "Just language" has become big business: Kulturtransfer auf sprachlicher Ebene am Beispiel von Political Correctness. Mannheim, 2017.

28. Duden online. URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 22.01.2021).

29. Mayer C. Öffentlicher Sprachgebrauch und political correctness: Eine Analyse sprachreflexiver Argumente im politischen Wortstreit. Hamburg : Kovač, 2002. 272 S.

30. Papcke S. Political Correctness // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Bd. 6 / hrsg. G. Ueding. Tübingen : Niemeyer, 2003. S. 1415–1422.

31. Frank K. Political Correctness: Ein Stigmawort // Wörter in der Politik. Analysen zur Lexemverwendung in der politischen Kommunikation / hrsg. H.-J. Diekmannshenke et al. Wiesbaden : Westdeutscher Verl., 1996. S. 185–218.

32. Heringer H.J. Sprachkritik – die Fortsetzung der Politik mit besseren Mitteln // Holzfeuer im hölzernen Ofen: Aufsätze zur politischen Sprachkritik / hrsg. H.J. Heringer. Tübingen : Narr, 1988. S. 3–34.

33. Informationen für Journalisten zum konkreten sprachlichen Umgang mit rechtsextremistischen und rassistisch motivierten Straftaten. URL: http://www.derbraunemob.de/shared/download/info_journal_rstraf.pdf (дата обращения: 22.01.2021).

34. Begriffe über Behinderung von A bis Z. URL: <https://leidmedien.de/begriffe/> (дата обращения: 22.01.2021).

35. Zimmer D.E. PC oder: Da hört die Gemütlichkeit auf // Die Zeit. Erschienen am 22.10.1993. URL: <http://www.d-e-zimmer.de/PDF/1993pc.pdf> (дата обращения: 22.01.2021).

36. Groth K. Die Diktatur der Guten. Political correctness. München : Herbig, 1996. 320 S.

37. Kapitzky J. Sprachkritik und Political Correctness in der Bundesrepublik. Aachen : Shaker, 2000. 221 S.

38. Röhl K.R. Deutsches Phrasenlexikon: Politisch korrekt von A–Z. 4., aktual. Aufl. München : Universitas, 2001. 238 S.

39. Mangold A.K. Worüber man nichts sagen kann, darüber soll man schweigen // Verfassunsblog. Erschienen am 23.12.2019. URL: <https://verfassungsblog.de/worueber-man-nichts-sagen-kann-darueber-soll-man-schweigen> (дата обращения: 22.01.2021).

40. „Typisch für Political Correctness: Virtue Signalling“: Interview mit Sarah Diefenbach und Daniel Ullrich über Sprechen und Handeln in Coronazeiten // L.I.S.A. Wissenschaftsportal Gerda Henkel Stiftung. URL: https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/kommentierte_wiederveroeffentlichung_eines_interviews?nav_id=9159 (дата обращения: 04.02.2021).

41. Urteil des Landesverfassungsgerichtes Mecklenburg-Vorpommern LVVerfG 1/19 verkündet am 19.12.2019. URL: <https://www.rechtsanwaltmoebius.de/urteile/landesverfassungsgericht-mecklenburg-vorpommern-urteil-vom-19.12.2019-Az.lverfg-1-19-neger.pdf> (дата обращения: 04.02.2021).

42. Jung M. Moral für Dumme –Das Elend der politischen Korrektheit. Hamburg : Carlssen, 2015. 192 S.
43. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 288 с.
44. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы : сб. науч. ст. / отв. ред. В.Е. Чернявская. СПб., 2007. С. 22–23.
45. Herdeanu K. „Neger“ – ein linguistischer Kommentar // Magazin. Erschienen 15.01.2020. URL: <https://www.magazin.de/2020/01/15/neger-ein-linguistischer-kommentar> (дата обращения: 06.02.2021).
46. Behrens M., Rimscha R. "Politische Korrektheit" in Deutschland: Eine Gefahr für die Demokratie. Bonn : Bouvier, 1995. 172 S.
47. Erenz B. Die tausend Augen des Doktor PC // Die Zeit. Erschienen am 29.10.1993. URL: <https://www.zeit.de/1993/44/die-tausend-auge-des-doktor-pc> (дата обращения: 06.02.2021).
48. Elsner-Petri S. Political correctness' im Duden-Universalwörterbuch: Eine diskurslinguistische Analyse (Greifswalder Beiträge zur Linguistik). Bremen : Hempen, 2015. 350 S.
49. Schwarzer A. Das Elend der immer gleichen Diskussion // Übermedien. Erschienen am 04.05.2018. URL: <https://uebermedien.de/27690/das-elend-der-immer-gleichen-diskussion-was-man-noch-sagen-darf/> (дата обращения: 06.02.2021).
50. Niggemeier S. Die unheimliche Anziehungskraft des N-Wortes // Übermedien. Erschienen am 19.04.2018. URL: <https://uebermedien.de/27210/die-unheimliche-anziehungskraft-des-n-wortes/> (дата обращения: 06.02.2021).

References

1. Kataeva, S.G. & Kataev, D.V. (2019) History of the German political language as a reflex of the recent history of Germany (1945-1988). *Dialog so vremenem – Dialogue with time*. 66. pp. 327–335. (In Russian).
2. Schmitz-Berning, C. (2007) *Vokabular des Nationalsozialismus*. 2nd ed. Berlin: de Gruyter.
3. Kämper, H. (2011) *Der Schuldiskurs in der frühen Nachkriegszeit*. Berlin; Boston: De Gruyter.
4. Niehr, T. & Böke, K. (2000) Einwanderungsdiskurse: Vergleichende diskurslinguistische Studien. *Einwanderungsdiskurse im internationalen Vergleich*. Proceedings of symposium. Hilden. 18–20 February 1998. Wiesbaden: Westdt. Verl.
5. Fraas, C. (1996) *Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen: Die Konzepte IDENTITÄT und DEUTSCHE im Diskurs zur Deutschen Einheit*. Tübingen: Narr.
6. Duisburger Institut für Sprach-und Sozialforschung (2021) *Forschungsprojekte* [Online] Available from: <http://www.diss-duisburg.de/forschungsprojekte> (Accessed: 29.01.2021).
7. Wengeler, M. & Ziem, A. (2013) *Sprachliche Konstruktionen von Krisen: Interdisziplinäre Perspektiven auf ein fortwährend aktuelles Phänomen*. Bremen: Hempen.
8. Kataeva, S.G. & Kataev, D.V. (2019) History of the German political language as a reflex of the recent history of Germany (1945-1988). *Dialog so vremenem – Dialogue with time*. 66. pp. 327–335. (In Russian).
9. Stötzl, G. & Böke, K. (1995) *Kontroverse Begriffe: Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland*. Berlin: de Gruyter.
10. Chernyavskaya, V.E. (2017) Towards methodological application of discursive analysis in corpus-driven linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/9

11. Eitz, T. & Stötzel, G. (2007) *Wörterbuch der Vergangenheitsbewältigung*. Vol. 1. Darmstadt: Wiss. Buchges.
12. Eitz, T. & Stötzel, G. (2009) *Wörterbuch der Vergangenheitsbewältigung*. Vol. 2. Darmstadt: Wiss. Buchges.
13. Kämper, H. (2007) *Opfer, Täter, Nichttäter: Ein Wörterbuch zum Schuldiskurs 1945–1955*. Berlin: de Gruyter.
14. DeReKo (2021) *Das deutsche Referenzkorpus*. [Online] Available from: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/> (Accessed: 06.02.2021).
15. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskuststvo.
16. Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 5th Ed. Nazran: Pilgrim.
17. Busse, D. & Teubert, W. (1994) Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik. In: Busse, D. (ed.) *Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik*. Opladen: Westdeutscher Verlag. pp. 10–28.
18. Adamzik, K. (2004) *Sprache: Wege zum Verstehen*. 2th Ed. Tübingen: Francke.
19. Gardt, A. (2007) Diskursanalyse – Aktueller theoretischer Ort und methodische Möglichkeiten. In: Warnke, I.H. (ed.) *Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände*. Berlin: De Gruyter. pp. 27–52.
20. Sekerina, M.A. (2013) Objective discourse: principles of extraction and specificity of the research. *Vestnik ChelGU – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 14 (305). (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektnyy-diskurs-printipy-vydeleniya-i-spetsifika-issledovaniya> (Accessed: 30.01.2021).
21. Böke, K., Jung, M., Wengeler, M. & Stötzel, G. (1996) *Öffentlicher Sprachgebrauch: Praktische, theoretische und historische Perspektiven: Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet*. Opladen: Westdt. Verl.
22. Bendel Larcher, S. (2015) *Linguistische Diskursanalyse*. Tübingen: Narr.
23. Wierlemann, S. (2002) *Political correctness in den USA und in Deutschland*. Berlin: Erich Schmidt.
24. Heringer, H.J. (1988) *Holzfeuer im hölzernen Ofen: Aufsätze zur politischen Sprachkritik*. 2th Ed. Tübingen: Narr.
25. Dietzsch, M. & Maegerle, A. (1996) *Kampfbegriff aller Rechten: „Political Correctness“*. [Online] Available from: <http://www.diss-duisburg.de/Internetbibliothek/Artikel/Kampfbegriff.htm> (Accessed: 22.01.2021).
26. Scharloth, J. (2014) Political Correctness ist heute ein Kampfbegriff. *Cicero*. [Online] Available from: <https://www.cicero.de/innenpolitik/sprachwissenschaftler-political-correctness-wird-heute-als-kampfbegriff-gebraucht/57260> (Accessed: 22.01.2021).
27. Weis, K. & Eckkrammer, E.M. (2017) *“Just language” has become big business: Kulturtransfer auf sprachlicher Ebene am Beispiel von Political Correctness*. Philosophy Dr. Diss. Mannheim.
28. Duden online (2021) *Mehr als ein Wörterbuch Neuerscheinungen*. [Online] Available from: <https://www.duden.de> (Accessed: 22.01.2021).
29. Mayer, C. (2002) *Öffentlicher Sprachgebrauch und political correctness: Eine Analyse sprachreflexiver Argumente im politischen Wortstreit*. Hamburg: Kovač.
30. Papcke, S. (2003) Political Correctness. In: Ueding, G. (ed.) *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*. Vol. 6. Tübingen: Niemeyer. pp. 1415–1422.
31. Frank, K. (1996) Political Correctness: Ein Stigmawort. In: Diekmannshenke, H.-J. (ed.) *Wörter in der Politik. Analysen zur Lexemverwendung in der politischen Kommunikation*. Wiesbaden: Westdeutscher Verl. pp. 185–218.

32. Heringer, H.J. (1988) Sprachkritik – die Fortsetzung der Politik mit besseren Mitteln. In: Heringer, H.J. (ed.) *Holzfeuer im hölzernen Ofen: Aufsätze zur politischen Sprachkritik*. Tübingen: Narr. pp. 3–34.
33. Derbraunemob (2006) *Informationen für Journalisten zum konkreten sprachlichen Umgang mit rechtsextremistischen und rassistisch motivierten Straftaten*. [Online] Available from: http://www.derbraunemob.de/shared/download/info_journal_rstraf.pdf (Accessed: 22.01.2021).
34. Leidmedien.de (2021) *Begriffe über Behinderung von A bis Z*. [Online] Available from: <https://leidmedien.de/begriffe/> (Accessed: 22.01.2021).
35. Zimmer, D.E. (1993) PC oder: Da hört die Gemütlichkeit auf. *Die Zeit*. 22 October 1993. [Online] Available from: <http://www.d-e-zimmer.de/PDF/1993pc.pdf> (Accessed: 22.01.2021).
36. Groth, K. (1996) *Die Diktatur der Guten. Political correctness*. München: Herbig.
37. Kapitzky, J. (2000) *Sprachkritik und Political Correctness in der Bundesrepublik*. Aachen: Shaker.
38. Röhl, K.R. (2001) *Deutsches Phrasenlexikon: Politisch korrekt von A-Z*. 4th Ed. München: Universitas.
39. Mangold, A.K. (2019) Worüber man nichts sagen kann, darüber soll man schweigen. *Verfassungsblog*. [Online] Available from: <https://verfassungsblog.de/worueber-man-nichts-sagen-kann-darueber-soll-man-schweigen> (Accessed: 22.01.2021).
40. Diefenbach, S. & Ullrich, D. (2020) „Typisch für Political Correctness: Virtue Signalling“. Interview mit Sarah Diefenbach und Daniel Ullrich über Sprechen und Handeln in Coronazeiten am 1. Oktober 2020 [Recording in possession of author]. *L.I.S.A. Wissenschaftsportal Gerda Henkel Stiftung*. [Online] Available from: https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/kommentierte_wiederveroeffentlichung_eines_interviews?nav_id=9159 (Accessed: 04.02.2021).
41. Deutschland. *Urteil des Landesverfassungsgerichtes Mecklenburg-Vorpommern LVerfG 1/19. In Namen des Volkes* (2019) [Online] Available from: <https://www.rechtsanwaltsmoebius.de/urteile/landesverfassungsgericht-mecklenburg-vorpommern-urteil-vom-19.12.2019-Az.lverfg-1-19-neger.pdf> (Accessed: 04.02.2021).
42. Jung, M. (2015) *Moral für Dumme – Das Elend der politischen Korrektheit*. Hamburg: Carlsen.
43. Teliya, V.N. (1995) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocul-turological aspects]. Moscow: School "Yazyki russkoy kul'tury".
44. Chernyavskaya, V.E. (2007) Otkrytyy tekst i otkrytyy diskurs: intertekstual'nost' – diskursivnost' – interdiskursivnost' [Open text and open discourse: intertextuality – discursiveness – interdiscursiveness]. In: Chernyavskaya, V.E. (ed.) *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy* [Text linguistics and discursive analysis: traditions and perspectives]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics and Finance. pp. 22–23.
45. Herdeanu, K. (2020) "Neger" – ein linguistischer Kommentar. *Magazin*. [Online] Available from: <https://www.migazin.de/2020/01/15/neger-ein-linguistischer-kommentar> (Accessed: 06.02.2021).
46. Behrens, M. & Rimscha, R. (1995) *"Politische Korrektheit" in Deutschland: Eine Gefahr für die Demokratie*. Bonn: Bouvier.
47. Erenz, B. (1993) Die tausend Augen des Doktor PC. *Die Zeit*. 29 October 1993. [Online] Available from: <https://www.zeit.de/1993/44/die-tausend-auge-des-doktor-pc> (Accessed: 06.02.2021).
48. Elsner-Petri, S. (2015) 'Political correctness' im Duden-Universalwörterbuch: Eine diskurslinguistische Analyse (Greifswalder Beiträge zur Linguistik). Bremen: Hempen.
49. Schwarzer A. (2018) Das Elend der immer gleichen Diskussion. *Übermedien*. [Online] Available from: <https://uebermedien.de/27690/das-elend-der-immer-gleichen-diskussion-was-man-noch-sagen-darf/> (Accessed: 06.02.2021).

50. Niggemeier, S. (2018) Die unheimliche Anziehungskraft des N-Wortes. *Übermedien*. [Online] Available from: <https://uebermedien.de/27210/die-unheimliche-anziehungskraft-des-n-wortes/> (Accessed: 06.02.2021).

Информация об авторе:

Кондакова Е.А. – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: elenakondakova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena A. Kondakova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: elenakondakova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2021;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.*

*The article was submitted 12.02.2021;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 05.05.2022.*